

БЕН ФЕНЛИ

КОРОТКИЕ
ВОЛНЫ

Бен Фенли
Короткие волны

«Автор»

2026

Фенли Б.

Короткие волны / Б. Фенли — «Автор», 2026

1929 год. Ленинградский инженер Михаил Воронов работает в Центральной радиолaborатории и старается жить тихо: семья, работа, коммунальная квартира. Но после исчезновения начальника его секции Мишу начинают вызывать на разговоры. В Бруклине его друг детства Леонид Штейн держит маленький магазин радиотоваров и по четвергам собирает любителей коротковолновой связи. Он давно уехал из России и привык считать, что прошлое осталось за океаном. Пока однажды ночью в дверь магазина не стучит человек из прошлого. Чтобы помочь Мише, Лёне придётся вернуться в страну, из которой он бежал мальчиком, войти в советскую систему как американский поставщик радиооборудования и убедить людей, которые никому не доверяют, что иногда связь всё-таки проходит. «Короткие волны» - исторический приключенческий роман о дружбе, эмиграции, радио, документах, границах и мире, который слишком похож на сегодняшний.

© Фенли Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Бен Фенли

Короткие волны

Глава 1

Ленинград, июнь 1929

Повестка пришла во вторник. Явиться в Наркомпочтель, Почтамтская девять, кабинет двести четырнадцать, для технической консультации по коротковолновым антеннам. Подпись — Прохоренко, начальник технического отдела. Такие вызовы приходили два-три раза в год, и Миша без энтузиазма ездил, когда была его очередь — обычно требовалось на пальцах объяснить то, что в ведомстве не смогли понять из служебной записки.

В четверг он надел серый пиджак, проверил, что карандаш и блокнот в кармане, и в одиннадцать утра поднялся по ступеням Наркомпочтеля. По дороге в трамвае он повторил про себя длины волн и размеры антенн для диапазонов двадцать пять, тридцать один и сорок метров — на всякий случай. Прохоренко любил начинать разговор с табличных значений: не потому что они были важны, а потому что их можно было знать наизусть и тем самым сразу поставить собеседника на место.

На входе — швейцар, старик в ливрее, пережившей и империю, и революцию. Миша показал повестку.

— В какой кабинет?

— Двести четырнадцатый.

— Аа... — Швейцар посмотрел на него чуть внимательнее. Потом сказал:

— Прямо, лестница, второй этаж направо.

Миша сказал «спасибо» и пошёл. На лестнице подумал: наверное, показалось. На втором этаже — коридор с высокими потолками, двести четырнадцатый в конце. Постучал.

Кабинет был обычный. Стол, два кресла, окно во двор. Во дворе — берёза, пыльная, летняя.

Миша на секунду остановился.

За столом сидел не Прохоренко. Прохоренко был толстый, с одышкой, с бумагами в художественном беспорядке. Этот — худой, аккуратный, в сером костюме. На столе — одна папка, закрытая, без надписи. Рядом — два стакана чая, в подстаканниках. Один стоял у хозяина кабинета, второй — ближе к пустому креслу.

— Михаил Сергеевич? Проходите, садитесь. Чай будете?

Миша сел. Взял стакан. Сделал глоток.

Чай был хороший. Настоящий, листовой.

— Товарищ Прохоренко сегодня занят, — сказал человек. — Я решил, что сам с вами поговорю. Вопросы у меня общие, не технические. — Он аккуратно улыбнулся. — Человеческие.

Миша положил карандаш и блокнот на стол.

Вопросы были общие. Человеческие.

О работе — нравится ли, интересно ли, устраивают ли бытовые условия. Миша отвечал прямо. Работа интересная, бытовые условия — обычные ленинградские, он не жалуется.

О коллегах — кто умный, кто трудолюбивый. Миша назвал двух человек, недавно опубликовавших интересные статьи.

— А кто, может быть, не совсем надежен — последнее прозвучало между прочим, словно о погоде.

— Не знаю, я в этом смысле о коллегах не думал.

— Понимаю.

Человек кивнул. Опустил глаза к папке, которую так и не открыл.

— А Дмитрий Евгеньевич как работал? Иванов. Ваш непосредственный начальник.

Миша поставил стакан, пожал плечами.

— Как учёный секретарь. Планирование, отчётность, распределение ресурсов.

— Вы с ним близко общались?

— По работе. Подписывал отчёты, утверждал материалы.

— Ничего странного не замечали? Перед отъездом.

Перед отъездом.

В ЦРЛ, центральной радиолоборатории, говорили *перед командировкой*. Командировка была в июне. Иванов не вернулся.

— Нет, — сказал Миша. — Ничего особенного.

— Настроение, разговоры, может быть, встречи с кем-то незнакомым.

— Не замечал.

Человек кивнул. Открыл папку, пролистал. Захлопнул, будто что-то решив.

— Ну а вы, Михаил Сергеевич, — сказал он, и тон изменился: стал теплее, мягче, почти дружеский. — Вы — наш.

Миша не сразу понял.

— Я имею в виду — вы с нами. На правильной стороне. Это видно по тому, как вы работаете, как ведёте себя. Такие люди — наша опора. Дмитрий Евгеньевич, между прочим, тоже считался опорой. А потом *так получилось*. Бывает.

Пауза.

— Но я уверен, с вами такого не случится.

Миша промолчал.

— Вот телефон.

Человек пододвинул карточку. Буква и четыре цифры. Ни имени, ни должности. Миша вспомнил, что собеседник не представился.

— Позвоните, если будет что-то интересное. Или если не будет — просто чтобы я знал, что у вас всё в порядке.

Миша взял карточку. Положил во внутренний карман пиджака. Сказал «хорошо», чтобы хоть что-то сказать.

— Вот и хорошо.

Человек улыбнулся ещё раз и встал. Миша тоже встал. Рукопожатие — сухое, короткое.

— Спасибо, что зашли, Михаил Сергеевич. Приятно было познакомиться.

Пауза.

— До свидания.

Когда Миша вышел из здания, солнце стояло прямо над крышами. Он прищурился, постоял на крыльце, потом пошёл — не домой и не на работу, а вперёд, в сторону Исаакиевской площади.

Летний Ленинград занимался своими делами. Трамвай прогрохотал по бульжнику. Мальчишка пробежал мимо с газетой, выкрикивая что-то про пятилетку. У булочной на углу — очередь.

Миша шёл и чувствовал, что хочется вымыть руки.

Он обогнул Исаакий, оглянулся назад, вышел на набережную. Облокотился на гранит. По воде, против течения, шёл буксир с баржей.

Вынул из кармана карточку. Подержал на ветру. Положил обратно.

Кажется, он ни на что не соглашался. Или, всё-таки, соглашался? Сказал «хорошо», когда предложили позвонить. Пару раз кивал. Ни разу не возразил, не задавал вопросов.

Мимо прошла женщина с коляской. На другой стороне набережной мужчина курил у парапета. Стоял давно. Миша смотрел на него секунду-две. Потом отвернулся к воде.

Он оттолкнулся от гранита и пошёл. На работу не хотелось. Домой — тоже. Дошёл до Гороховой, постоял на углу, потом всё-таки повернул к дому.

Таня была дома. Боря спал. Из-за стенки — голос Зинаиды Львовны, соседки.

— Ты рано, — сказала Таня.

— Консультация закончилась быстро.

Он сел к столу. Таня подняла на него глаза. Ничего не сказала.

Ужинали молча. Чай — свой, третьей заварки. Миша обхватил стакан ладонями. Чай был еле тёплый, мутный, без запаха.

— Как прошло? — спросила Таня.

— Нормально. По антеннам.

Таня кивнула и больше не спрашивала.

За стенкой Зинаида Львовна включила радио. Диктор сообщал о перевыполнении плана по чугуну.

Таня уложила ребёнка, легла. Миша постоял у стула, на котором висел его пиджак. До сегодняшнего утра он был муж, отец, инженер ЦРЛ. Утром он думал о том, что Олейников обещал поставить его имя в список авторов на следующий отчёт — и не поставил, и Миша собирался спросить, и не спросил. Вчера они с Таней спорили, отдавать ли Борю в ясли или подождать до трёх. Позавчера — чинить ли кран на кухне самому или звать водопроводчика. В прошлом году — переезд из Нижнего в Ленинград вместе с лабораторией. Это были его заботы. Вчерашние.

Сегодня он узнал, что он ещё и строчка в чужой папке.

Он лёг рядом с Таней и стал смотреть в потолок. На потолке — старое пятно от протечки, похожее на карту несуществующей страны, которой от него ничего не нужно.

На стуле висел пиджак. Во внутреннем кармане лежала карточка.

Таня во сне придвинулась ближе.

Миша закрыл глаза.

Чай был хороший.

Глава 2

Бруклин, четверг, 18 июля 1929

Между шестью и семью Лёня любил свой Бруклин больше всего.

Днём Бруклин был деловитый, шумный, полный людей, спешивших с таким видом, будто знали зачем. Ночью он притворялся опасным. А в этот час просто был — район, улицы, дома, граммофон где-то на третьем этаже, лай собаки.

Магазин стоял на Montague Street, в Бруклин-Хайтс. Над дверью — вывеска:

STEIN RADIO SUPPLY Demonstrations Installation Shortwave

Буквы Лёня заказывал золотые. Теперь они были скорее жёлтые, но если встать правильно и прищуриться — ещё годились.

В витрине стояли два приёмника.

Слева — аккуратная консоль в ореховом корпусе, достаточно красивая, чтобы человек, пришедший за лампой за доллар двадцать, на минуту начинал думать о собственной гостиной. Радио как мебель. Радио как обещание, что будущее будет стоять у тебя дома, рядом с креслом и торшером.

Справа — улучшенный Лёней коротковолновый Pilot Super-Wasp. Открытое шасси, сменные катушки, две шкалы, отдельный блок питания и провода, которые покупатели предпочитали не замечать. Это был аппарат не для всех: для тех, кто сначала спрашивал не цену, а диапазон.

Первый приёмник обещал музыку после ужина.

Второй — чужие страны, если хватит терпения, и чужие континенты, если повезёт.

Между ними — карта мира и табличка:

Shortwave Evenings – Thursday 8 PM

Под картой висели QSL-карточки — почти два десятка: Питтсбург, Эйндховен, Челмсфорд, Берлин, Монреаль. Одна, из Сиднея, была Лёниной гордостью. Между аккуратными типографскими карточками выделялась самодельная — от радиолюбителя из Манчестера, которого Лёня услышал прошлой зимой на сорока метрах.

QSL — heard in Brooklyn, N.Y.

Эта нравилась Лёне больше остальных. От вещательных станций приходили официальные подтверждения. От радиолюбителя — подтверждение человеческой связи.

К вечеру на подоконник снаружи обычно приходил соседский кот. Он садился напротив витрины и смотрел сквозь стекло на лампы — спокойно, не мигая. Лёня к нему привык.

К восьми подтянулись свои.

Первым, как всегда, пришёл доктор Вайс — стоматолог из Бруклин-Хайтс, шестьдесят два года, лысый, с большими мягкими руками, которые на работе лезли людям в рот, а здесь крутили ручку настройки с хирургической осторожностью. Вайс ходил к Лёне по четвергам уже полтора года. Радиолюбителем он стал случайно: купил у Лёни приёмник для жены, жена не заинтересовалась, и приёмник остался у Вайса. Теперь Вайс ловил Лондон и Париж, записывал время и длину волны в тетрадку и считал это лучшим хобби, которое у него было в жизни.

За ним — Фельдман, молодой адвокат, двадцать шесть лет, худой, в очках, всегда с портфелем. Фельдман интересовался не схемами, а последствиями: кому принадлежит эфир? Можно ли запатентовать частоту? Что будет, когда радиостанций станет больше, чем частот? Лёня любил его вопросы — казалось, они были из будущего.

Потом — Нэйтан Хоровиц, инженер с завода Эдисона в Вест-Ориндже. Хоровиц приезжал из Нью-Джерси, полтора часа на поезде, и это говорило о нём больше, чем его визитная

карточка. Он приносил новости: какие лампы выходят, что слышно про телевидение, кто что строит, какие схемы в журналах врут, а какие врут чуть меньше.

И двое любителей — супруги Мэллой, Том и Дороти. Том был бухгалтером, Дороти — учительницей музыки. Они купили у Лёни приёмник на годовщину свадьбы и с тех пор приходили вместе. Дороти слушала музыку, Том записывал позывные. Они сидели рядом на маленьком диване и делили одну пару наушников, хотя Лёня давно подключил динамик.

Лёня налил кофе из большого медного кофейника, который стоял на стойке. Чашки были разные — в магазине почти всё было разное. Лёня покупал по штуке и каждую вещь обдумывал.

— Итак, — сказал он. — Сегодня попробуем Голландию.

— Опять Голландию? — спросил Фельдман.

— Голландия отвечает на письма, — сказал Вайс.

— Не письма, — поправил Хоровиц. — Отчёты о приёме.

— Для меня всё, что отправляется в конверте, — письмо, — сказал Вайс.

Лёня достал с нижней полки деревянную коробку. Он сделал её сам: пять отделений, пять бумажных наклеек:

14–27 | 26–50 | 50–100 | 100–200 | 200–500

В каждом отделении лежала пара медных обмоток на тёмных каркасах — маленькие, аккуратные, почти игрушечные.

Он взял пару катушек из первого отделения и вставил их в гнезда Super-Wasp. Осторожно, двумя пальцами. Лёня всегда менял катушки так, будто им было больно от неловкого обращения.

— А почему двадцать пять? — спросила Дороти.

— Потому что там сегодня может быть Эйндховен.

— Я понимаю, что это работает, — сказал Фельдман. — Я не понимаю, почему это работает. Как Голландия оказывается у вас в магазине?

Лёня включил питание. Лампы начали прогреваться — сначала тускло, потом ровнее. В комнате появился лёгкий запах нагревающейся пыли и лака.

— Голландия здесь не оказывается, — сказал Хоровиц. — Здесь оказывается её след. Станция в Эйндховене заставляет электричество дрожать. Антенна выбрасывает это дрожание в воздух. Наша антенна ловит всё сразу: Голландию, Питтсбург, морзянку, соседний трамвай, плохую погоду и, возможно, Господа Бога, если Он передаёт на двадцати пяти метрах.

Вайс поднял палец.

— Если Господь передаёт, я хочу QSL.

— Будете за мной в очереди, — улыбнулся Лёня.

Хоровиц кивнул на приёмник:

— Катушка выбирает диапазон. Ручка настройки ищет точное место. Лампы усиливают то, что нашлось. Детектор возвращает звук.

— И всё? — спросил Фельдман.

— И терпение, — сказал Лёня. — Без терпения это просто мебель с проводами.

На столике рядом с приёмником лежал журнал приёма — толстая тетрадь с чёрной обложкой. На первой странице Лёня написал:

Stein Radio Supply Shortwave Evenings Reception Log

Журнал вел Вайс. Сначала писал по-человечески: «слышно хорошо», «много треска», «пропадает». Потом Хоровиц научил его радиолобительским сокращениям, и тетрадь стала выглядеть как судовой журнал:

QSB — замирание сигнала. **QRN** — атмосферные помехи. **QRM** — мешает другая станция.

Теперь Вайс открыл тетрадку на чистой странице и написал дату.

Thursday, July 18, 1929 Receiver: Pilot Super-Wasp Aerial: roof wire, Montague Street

— Пишите, — сказал Лёня. — Восемь семнадцать. Двадцать пять метров. Пробуем PCJ, Holland.

— PCJ или PCJJ? — спросил Хоровиц.

— Они сами, кажется, не решили, — сказал Лёня. — Пишите PCJ. Если пришлют карточку с двумя J, будем считать, что Голландия знает лучше.

Он повернул ручку настройки.

Сначала был только шум. Точнее, несколько шумов: сухой треск, низкое гудение, дальний свист, короткие иголки морзянки. Потом — тишина. Потом снова треск, но другой, как будто кто-то рвал бумагу в соседней комнате.

Лёня повернул ручку на волосок назад.

— Вот, — сказал Хоровиц.

— Нет, — сказал Лёня. — Слишком сильный. Это где-то рядом.

— Рядом — это где?

— Для радио? Ну, Питтсбург уже рядом.

Он чуть убавил регенерацию, потом снова прибавил. Super-Wasp закрипел тонким свистом, ушёл в самовозбуждение, Лёня вернул ручку назад.

— Что это было? — спросил Том.

— Приёмник решил, что он передатчик, — сказал Хоровиц. — Это у него проходит.

Лёня крутил дальше.

Стрелка ползла по шкале. Треск. Шорох. Морзянка. На секунду вынырнул американский голос — сильный, ясный, почти местный.

— Питтсбург, — сказал Хоровиц.

— Не пойдет, — сказал Вайс.

Лёня улыбнулся и повёл ручку дальше.

И вдруг, как из-под воды, появился оркестр.

Сначала только намёк на музыку — две ноты, провал, шипение, снова две ноты. Потом голос. Мужской, с акцентом. Английские слова, потом, кажется, голландские. Потом музыка стала плотнее, вышла из шума и на секунду заняла комнату.

— Есть, — сказал Лёня.

Все замолчали.

Вайс наклонился к журналу.

— Сила? — спросил он шёпотом.

— Fair, — сказал Хоровиц. — Сильное QSB.

Вайс записал:

8:24 PM — PCJ Holland — music, male announcer — fair — QSB heavy

Дороти закрыла глаза.

Том перестал шуршать бумагой.

Фельдман смотрел не на приёмник, а на карту мира.

Голландия. Ночь в Эйндховене — вечер в Бруклине. Оркестр играл за четыре тысячи миль, сигнал уходил вверх, отскакивал от неба, падал на провод, натянутый между трубами на крыше Montague Street, проходил через катушку, лампы, детектор, Лёнины переделки, и выходил из динамика тихим, шуршащим, живым.

— Каждый раз, — сказал Вайс, — каждый раз, когда получается, мне кажется, что я делаю что-то запрещённое. Подслушиваю.

— Не подслушиваете, — сказал Лёня. — Они для вас играют. Просто не знают, что вы слушаете.

— А если бы знали?

— Играли бы громче.

Лондон в тот вечер не дался. На тридцати одном метре были свист, морзянка и какой-то немецкий голос, который появлялся только затем, чтобы снова исчезнуть. Вайс записал: “roog, uncertain” — и поставил вопросительный знак.

После десяти гости стали расходиться.

Вайс пожал Лёне руку — как всегда, мягко, обеими руками.

Фельдман забыл портфель и вернулся. Хоровиц задержался у двери.

— Лёня, я тут подумал. У нас через поставщиков появилась партия ламп UY-227, маленькая, двадцать штук. Со скидкой. Если хотите — могу устроить.

— Хочу.

— В пятницу позвоню.

— Спасибо, Нэйтан.

Хоровиц посмотрел на Super-Wasp.

— Всё-таки надо вам нормальный усилитель поставить. Этот ваш каскад

— Что?

— Работает. Но это не значит, что он правильный.

— Главное, чтобы Голландия об этом не узнала.

Хоровиц усмехнулся и ушёл.

Супруги Мэллой вышли последними. Дороти обернулась в дверях.

— До следующего четверга?

— До четверга.

Закрытие магазина было ритуалом.

Сложить журналы. Убрать чашки — посетители оставляли их в самых неожиданных местах. Закрывать коробку с катушками. Выключить блок питания. Погасить лампы по одной, кроме зелёной на столике с журналами; её Лёня выключал последней — она давала тот свет, который ему нравился в салоне к концу вечера.

В открытом журнале на верхнем листе была реклама Victor RE-45.

Радио-электрола. Двести семьдесят пять долларов без ламп. Ореховый корпус. Встроенный проигрыватель. “Micro-synchronous tuning” — так было напечатано в проспекте, и Лёня не переводил это даже для себя.

Лёня заказал два аппарата.

Хоровиц сказал — безумие. Но у Фельдмана был клиент в Бруклин-Хайтс, мистер Апдайк с Pierrepont Street просил оставить за ним второй, а ещё трое записались «посмотреть, когда придёт».

В июле тысяча девятьсот двадцать девятого люди покупали будущее в ореховых корпусах.

Лёня закрыл журнал и выключил зелёную лампу.

Свет в магазине упал до уличного, жёлтого, проникающего через витрину.

Лёня включил Super-Wasp снова — тихо, только для себя. Голландия ушла. Лондон не давался. На сорока метрах кто-то звал кого-то — короткие и длинные вперемешку, слишком быстро для усталого слуха, потом сорвался в шум.

В дверь постучали.

Три удара — короткие, ровные.

Лёня поднял голову.

Приемник шипел за его спиной.

Он подошёл к двери и открыл.

На пороге стоял человек. Лёня узнал его не сразу. Пальто, когда-то хорошее, — из тех, что покупают один раз и носят, пока ткань не забудет, какого она была цвета. Ботинки были начищены, но старые: сбитые носки, трещины на сгибах. Так ходят люди, которые выбирают между лишней поездкой на метро и обедом. Лицо обветренное, между бровями борозда, которой раньше не было.

Раньше — это десять лет назад.

— Данил?

— Привет, Сайрес.

Лёня вдохнул и не сразу выдохнул.

Они стояли в дверях и смотрели друг на друга.

— Заходи, — сказал Лёня.

Данил вошёл. Сел на край одного из кресел, аккуратно, как человек, не уверенный, что имеет право садиться полностью.

Лёня пошёл к стойке, поставил кофейник на огонь, снова достал две чашки.

Данил оглядел магазин, кивнул.

— Хорошо тут у тебя.

— Ты откуда?

— Из Парижа. Через Гавр. Двенадцать дней на грузовом пароходе. Капитан знает моего человека — поэтому без лишних бумаг. У меня сейчас не очень с бумагами.

— Нансен?

— Нансен. Но с ним одним в Штаты не пускают.

— А ты сошёл?

— А я и не сходил, как пассажир. Считается, что я в Бруклине проездом, с экипажем. Завтра обратно на пирс. Корабль уходит дальше, а я вместе с ним. Потом сойду там, где будет удобнее сойти.

— То есть ты приехал на полтора дня.

— Меньше. Завтра в час я на пирсе.

Лёня посмотрел на часы. Без двадцати двенадцать ночи.

Кофейник забурлил. Лёня снял с огня, налил Данилу полную чашку, себе — половину. Сел напротив. Шипение Super-Wasp сместилось — кто-то на сорока метрах сменил частоту.

— Миша, — сказал Данил, — ему нужна помощь.

— Что с ним? — спросил Лёня.

Данил поставил чашку.

— В июне из ЦРЛ сбежал Иванов — начальник Мишиной секции. Уехал в командировку и не вернулся. С тех пор Мишу вызывают. Расспрашивают про Иванова, про коллег, про настроения. Хотят, чтобы сотрудничал.

— Он сотрудничает?

— Нет. Даёт пустые ответы. Но они не отстают.

— Откуда ты это знаешь?

— У меня есть человек в Риге. Торговец, из Одессы, живёт там с двадцать первого. Знает людей, которые знают Мишу. Информация двухнедельной давности.

— У тебя везде есть человек? — Нет. Поэтому я здесь.

Данил провёл большим пальцем по краю чашки.

— Миша пошёл к Косте.

— К Косте Гольдбергу?

— Они в одном городе. Костя — партийный, должность, карьера. Миша думал — свой, поможет.

— И?

— Костя сказал, что знает. Что ему *уже сказали*.

За окном по Montague Street проехал автомобиль — один, медленно, с освещёнными фарами.

— Чем я могу помочь? — спросил Лёня.

Данил пожал плечами.

— Поехать.

— Куда?

— В Ленинград.

Лёня ответил не сразу. Посмотрел на витрину — два приёмника, карта мира, табличка. За стеклом — Бруклин-Хайтс.

— У меня тут магазин. Родители в Квинсе. Сестра. Заказы. Люди, которые приходят по четвергам и думают, что я знаю, как устроено будущее. Я уехал оттуда в девятнадцатом. Меня там нет.

— Тебя там нет — поэтому ты и можешь приехать.

— И что я должен сделать? Вывезти его?

— Нет. Ты не умеешь вывозить людей.

— Спасибо.

— Он сейчас никому не доверяет. Ты должен сделать так, чтобы он поверил, что выход есть. Что у него есть друзья. Что если он согласится — будут люди, которые помогут.

— Твои люди?

— Мои.

Данил встал. Застегнул пальто, проверил карманы.

— Я завтра до часу на пирсе. Приходи, когда решишь.

— Я не сказал «да», Данил.

— Я знаю.

Данил пошёл к двери. Лёня встал, открыл ему. На улице было темно. Фонари горели жёлтым, из окон доносились голоса и радио. Лёня смотрел, как он уходит — в старом пальто, без зонта. Через несколько секунд Данил исчез за поворотом.

Лёня сел в кресло и стал смотреть на витрину.

Глава 3

Одесса, 1915

Осень в Одессе пахла каштанами, морем и чуть-чуть дымом из труб, потому что в октябре начинали топить, и дым из печных труб ложился на город как второе небо — низкое, ленивое, пахнущее углём и чьим-то обедом.

Реальное училище Святого Павла стояло в Лютеранском переулке — трёхэтажное, каменное, с широкими окнами и гулким коридором. Училище было лютеранское, но одесское: в коридорах смешивались русская речь, немецкие фамилии, идиш, греческие интонации и тот южный говор, в котором город спорил с деревней, портом и базаром.

Урок математики. Аркадий Михайлович писал мелом на доске. Мел крошился. Доска была серая.

$$x^4 - 5x^3 + 6x^2 - 5x + 1 = 0$$

— Уравнение возвратное, — сказал Аркадий Михайлович. — Делим на x^2 .

Он провёл черту и написал ниже:

$$x^2 - 5x + 6 - 5/x + 1/x^2 = 0$$

— Теперь обозначим $x + 1/x$ за z .

— Почему? — спросил Лёня Штейн.

Аркадий Михайлович посмотрел на него поверх очков.

— Почему — что?

— Почему именно $x + 1/x$? Откуда мы это взяли?

— Потому что так устроена задача, Штейн.

— Но *откуда* мне знать, как она устроена, если я вижу её первый раз?

— Из опыта, Штейн. Из практики. Из того, что вы решите достаточно задач и начнёте видеть.

— А если не начну?

— Тогда, — сказал Аркадий Михайлович, — вам лучше подумать о нетехнической профессии.

Класс засмеялся — не зло, а так, как смеются, когда учитель пошутил и можно выдохнуть.

— Вы показали фокус, — сказал Лёня. — Только не показали, откуда взялся кролик.

Аркадий Михайлович почти улыбнулся.

— В математике, Штейн, кроликов не выдают. Их находят.

Лёня усмехнулся и сел.

Отец — часовщик на Ришельевской — записал его в реальное, потому что гимназия стояла дороже, а у реального была математика и физика. Лёня верил, что с их помощью можно объяснить почти всё: прибор, расписание поездов, цену билета, чужой поступок, даже человека. Нужно только понять, какие величины связаны между собой.

За соседней партой Миша Воронов смотрел на доску и не смеялся. Он видел симметрию сразу: первый коэффициент отвечал последнему, второй — предпоследнему, середина держала всё, как ось. Уравнение как будто складывалось пополам. Нужно было только понять, где сгиб.

Мишин отец — инженер на заводе РОПиТ — считал реальное училище единственным разумным выбором для мальчика, который собирался строить.

У окна Данил Коваленко рисовал на полях тетради. Паровой кран с третьего причала — тот, что поставили в августе. Железная стрела, трос, лебёдка. Отец — бригадир портовых грузчиков — увидев кран, сказал «ну ничего себе», что у отца означало высшую степень восхищения.

Данил рисовал его уже третий день и не мог понять, как стрела крепится к основанию. Видел снизу, а нарисовать нужно было сбоку, и от этого кран на бумаге получался кривой.

На первой парте Костя Гольдберг решал в тетради задачу из завтрашнего домашнего задания. Учебник стоял перед ним как ширма. Дома у Кости было тесно — мать, отец-закройщик, двое младших в одной комнате. За учёбу платила община: Костя получил место по конкурсу, первый в списке, и держался за него так, как держатся за вещи, которые могут отнять.

Звонок прозвенел коротко и радостно, будто сам был рад, что урок кончился.

На улице было тепло. Тот сорт октябрьского тепла, который бывает только в Одессе: воздух мягкий, свет золотой.

Из училища они вышли вместе и тут же заняли весь тротуар.

— Ты неправ, — сказал Миша.

— Я неправ? — Лёня обернулся. — Я задал нормальный вопрос.

— Нормальный. Но способ правильный. Просто Аркадий Михайлович его не совсем объяснил.

— А как надо?

Миша остановился. — Оно складывается. Первый член с последним, второй с предпоследним. Как лист бумаги. — Ты сейчас объяснил хуже Аркадия Михайловича, — сказал Лёня. Миша нахмурился. — Потому что вы не смотрите.

— Если бы уравнения были кранами, — перебил Данил, — я бы их понимал. У крана видно, как всё крепится. А у уравнения — не видно.

— У уравнения тоже видно, — сказал Миша. — Просто другим способом.

На тротуаре лежали каштаны — круглые, блестящие, тёмно-коричневые. Данил поднял один, повертел в пальцах, положил в карман. Каштан был гладкий, тяжёлый, и хорошо лежал в ладони.

Магазин Левина помещался между аптекой и часовой мастерской, и с улицы выглядел так, будто его сжали с двух сторон, и он от этого стал уже, но выше. В витрине уже неделю стояли «Дети капитана Гранта» в красном переплёте с золотыми буквами — издание Вольфа, с иллюстрациями Риу. Лёня видел книгу каждый день по дороге домой и каждый день говорил, что когда-нибудь купит.

— На какие деньги? — спрашивал Данил.

— Придумаю что-нибудь.

— Ты всегда что-нибудь придумываешь.

Колокольчик. Дверь. Запах бумаги, клея и книжной пыли, которая пахнет иначе, чем обычная: суше, старше.

Наум Левин — невысокий, в очках, типографская краска на пальцах — посмотрел на них.

— Если опять только смотреть, смотрите осторожно.

— Мы осторожно, — сказал Костя.

— Ты, Гольдберг, осторожно даже дышишь. Я не про тебя.

Они прошли к стеллажу с Жюлем Верном. Третья полка слева. Те же «Дети капитана Гранта» — попроще, без золота, но те же иллюстрации: корабли, карты, люди на палубе.

— Красиво, — сказал Миша.

— Красиво, — согласился Лёня. — Представляешь, если бы можно было вот так — сесть на корабль и поплыть. Куда хочешь. Без расписания, без билетов. Просто поплыть.

— Без билетов не пустят, — сказал Миша.

— Это детали, — сказал Данил.

Они стояли и листали. Данил подошёл ближе. Костя тоже. Наум прошёл мимо и ничего не сказал.

Они стали приходить. Сначала — к витрине, потом — к Жюлю Верну, потом — просто так. Наум сначала ворчал, потом принёс стул, потом — второй, потом сказал: «На пол садитесь, только не на книги.» Костя читал вслух — тихо, для своих. Данил слушал.

Лёня смотрел на иллюстрации. Миша сидел рядом.

Мира появилась в компании не сразу.

Дочь Наума — двенадцать лет, коса через плечо, тёмные глаза. Она ходила по магазину с тряпкой и вытирала полки, а когда мальчишки приходили, смотрела на них так, как смотрит кошка на голубей: с интересом, но без намерения дружить.

— Вы опять, — говорила она. — Опять ничего не купите. Опять что-нибудь помнете.

— Мы не мнем, — говорил Костя.

— Страница сорок семь. Загнута.

— Это не я!

— Верхний угол. Левый. Тебя зовут Костя, и ты левша. Загибал левой рукой.

Костя был левша. Она была права.

Данил однажды назвал её Айртоном. Между делом, на ходу. В «Детях капитана Гранта» Айртон был предателем, человеком, от которого лучше держаться подальше. Сказал и забыл.

Мира не забыла.

Через неделю на полке появился «Таинственный остров». Книга чуть выдавалась вперед среди остальных.

Костя взял. Открыл. Начал читать — тихо, для своих.

Пятеро, воздушный шар, буря, остров. Люди, у которых ничего нет, строят всё из того, что есть. Инженер, моряк, журналист, мальчик. Каждый делает то, что умеет.

А потом — Айртон. Там Айртон был уже другим: сломанный, одичавший, почти потерянный, но всё-таки возвращенный к людям. И ставший своим.

Костя дочитал до этого места и остановился. Посмотрел туда, где стояла Мира — у стеллажа, с тряпкой, спиной к ним.

— Мира, — сказал Миша.

Она обернулась.

— Спасибо, Айртон.

Она ничего не сказала. Но тряпку положила, и села рядом — не в круг, а чуть в стороне, — и осталась.

После этого имена появились сами.

Лёня стал Сайресом — потому что первым говорил, что невозможное можно устроить, а потом начинал считать, сколько это стоит.

Данил стал Пенкрофом — потому что знал про верёвки, причалы, краны, узлы и всё, что держится не на словах, а на руках.

Костя стал Спилетом — потому что читал вслух и запоминал лучше всех.

Миша был Гербертом, хотя спорил, что Герберт слишком молодой и вообще не главный. Ему отвечали, что спорить поздно.

Мира осталась Айртоном — сначала назло, потом уже по праву.

Магазин они назвали Гранитным дворцом. Наум приносил чай с мятой в стаканах с трещинами. Каштаны падали за окном. Костя читал. Ветер дул с моря.

Однажды Наум вышел из-за конторки с листком бумаги и карандашом.

— Мне нужна новая печать, — сказал он. — Старая совсем стёрлась. Гравёр на Рише-левской берёт три рубля. Я думаю — что на ней нарисовать.

Он положил листок на прилавок. На листке было написано: «Книжный магазинъ Н. Левина. Одесса.» Круг, внутри круга — пустое место.

— Тут должно быть что-нибудь, — сказал Наум. — Картинка. Или буква. Или что-нибудь.

— Книга, — сказал Костя. — Раскрытая. Это же книжный магазин.

— Книга — скучно, — сказал Данил. — У всех книга. Поставьте корабль. Мы в Одессе.

В порту.

— Это *книжный* магазин, — сказал Костя. — Не пароходная контора.

— А «Дети капитана Гранта» — это про что? Про корабль. А «Таинственный остров»?

Тоже про корабль. Половина книг на вашей полке — про корабли.

— Это на вашей полке, — сказал с улыбкой Наум.

— Всё равно, — сказал Данил. — Книга просто лежит. А корабль куда-то идёт.

Лёня смотрел на пустой круг на листке.

— Парусник, — сказал он. — Маленький. Одна мачта. Как шлюпка, на которой можно уплыть куда хочешь.

— Куда хочешь — это далеко, — сказал Наум.

— В этом и смысл.

Наум поднял глаза на Лёню поверх очков.

— Миша, — сказал Наум. — А ты что думаешь?

Миша не ответил. Он рисовал.

Повернул листок. Силуэт. Одна мачта, корпус в три линии. Маленький, лёгкий.

Наум взял листок. Повертел.

— Вот это и поставим.

Через неделю Наум принёс готовую печать. Латунная головка на деревянной ручке, тёмное дерево, приятное в ладони. Он поставил первый оттиск на лист бумаги — фиолетовый, чёткий. Круг. Внутри — «КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ Н. ЛЕВИНА · ОДЕССА». А в центре — маленький парусник. Одна мачта, паруса. Силуэт, плывущий вправо.

— Ну? — сказал Наум.

Данил кивнул: корабль. Лёня улыбнулся: маленький. Миша сравнил со своим рисунком — похоже. Костя добродушно пожал плечами.

Наум убрал печать в ящик конторки.

Вечером, когда мальчишки разошлись и магазин закрылся, Мира открыла ящик. Достала печать. Подержала в руке. Положила обратно. Закрыла ящик.

Лёня сидел в пустом салоне Stein Radio Supply на Montague Street и смотрел на витрину.

Другое время, другая страна, другая витрина.

На стекле отражалась карта мира. В центре карты не было маленького парусника, но Лёня почему-то увидел именно его.

Они встретились в парке у Бруклинского моста, на скамейке. Утро, будний день, голуби, один старик с газетой.

— Я еду, — сказал Лёня.

— Знаю, — сказал Данил.

— Откуда?

— Люди, которые говорят «нет», говорят «нет».

Лёня сел рядом. Некоторое время они молчали.

— Хорошо. Идея такая: ты едешь в Союз как американский торговец радиооборудованием, из бывших. Amtorg в Нью-Йорке, на пятой авеню, оформляет визу.

— Я должен предложить поставки?

— Да. Лампы, компоненты, измерительные приборы. Всё, что звучит правдоподобно.

— А дальше?

— Дальше ты должен увидеть Мишу. Не спасать на месте. Не говорить лишнего. Дать ему понять, что ты пришёл от друзей. Что есть люди, которым можно довериться.

— Твои люди.

— Мои.

— А семья? Ты говорил, у него семья и ребёнок.

— Семья — моя забота.

— Это всё?

— Это всё, что тебе нужно сейчас знать. Чем меньше ты знаешь о моей части, тем больше у неё шансов.

Лёня кивнул.

Данил встал. Лёня тоже. Они не обнялись.

Данил кивнул и пошёл к выходу из парка.

Глава 4

Нью

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.